

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.6>

Красникова Олеся Николаевна

КАЛИНОВ И БРЯХИМОВ: ВОЛЖСКИЕ ГОРОДА, СОЗДАННЫЕ А. Н. ОСТРОВСКИМ

Статья представляет собой анализ поэтики пьес А. Н. Островского, действие которых разворачивается в художественном пространстве двух вымышленных волжских городов - в Калинове и Бряхимове. Волжские пьесы А. Н. Островского рассмотрены не столь подробно, как московские. Тем не менее изучение пространства пьес, действие которых происходит в вымышленных городах на Волге, а именно: "Гроза" (1859), "Горячее сердце" (1869), "Лес" (1870), "Бесприданница" (1879), "Таланты и поклонники" (1881), "Красавец мужчина" (1882), - нам представляется принципиальным, поскольку творчество А. Н. Островского формирует ядро Волжского текста. Настоящее исследование углубляет и расширяет современную концепцию локального текста в ее частной презентации - Волжский текст.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/10/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 26-30. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

живое формотворчество, предлагая идущим за ним опираться на нравственную философию христианского эллинизма, где Божественная Красота реального слова является одухотворенной реальностью, нетленным веществом, не способным к разложению. Это тяготение к Божественной реальности для поэта представляется естественным и объективным движением этического и эстетического начала в человеке, движение к тому, что вызывает симпатию, которая для Анненского выступала синонимом Прекрасного. И это Прекрасное служит сближению и оправданию человеческого естества. Но путь к совершенству сопряжен с жертвенностью. Способность к жертве не обезличивает человека, но творит новую личность, которая неуничтожима, подобно Меланиппе, воскресает, как Лазарь из гроба, творит новую жизнь, как Христос на пасхальной Заутрене.

Таким образом, религиозно-философские искания И. Ф. Анненского, имеющие в своей основе антиномичность сознания, претерпевали творческую эволюцию, в которой как утверждалась, так и отрицалась христианская сотериология. Отрицалась основной тематикой творчества – идеей смерти, утверждалась – самоценностью и нетленностью божественного слова, которое спасительно, по сути.

Список источников

1. **Анненский И. Ф.** «Илиада» Гомера в переводе Н. Минского // Филологическое обозрение. 1896. Т. XI. Кн. 2. С. 58-66.
2. **Анненский И. Ф.** Стихотворения и трагедии. Л.: Наука, 1990. 367 с.
3. **Волошин М. А.** Лирика творчества / изд. подгот. В. А. Мануйлов, В. П. Купченко, А. В. Лавров; вступ. ст. С. Наровчатова. Л.: Наука, 1988. 848 с.
4. **Гинзбург Л. Я.** О лирике. М.: Интрада, 1997. 414 с.
5. **Городецкий С.** Формотворчество // Золотое Руно. 1909. № 10. С. 56-57.
6. **Каминский С.** Пессимизм как философская доктрина // Наблюдатель. 1885. Ноябрь. С. 124-125.
7. **Мандельштам О.** Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Terra – Terra, 1991. Т. 2. 316 с.
8. **Митрофанов П. П.** Иннокентий Анненский // Русская литература XX века. 1890-1910: в 2-х т. / под ред. С. А. Венгерова. М.: Изд-е т-ва «Мир», 1915. Т. 2. 472 с.
9. **Мусатов В. В.** Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М.: Азбуковник, 2016. 720 с.
10. **Флоровский Г.** Пути русского богословия. Вильнюс: Паломник, 1991. 601 с.

**INNOKENTY ANNENSKY'S RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL SEARCH
AS A THESIS AND ANTITHESIS OF CHRISTIAN SOTERIOLOGY**

Zayats Mikhail Sergeevich

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
smz67@mail.ru*

The article analyses the religious and philosophical search of Innokenty Annensky, the Russian poet of the turn of the XIX-XX centuries. The researcher traces the evolution of the poet's spiritual world, filled with antinomies of denial and affirmation, to the truths of the Christian soteriology and eschatology; describes the stages of the poet's creative path, where the conceptions of death and immortality overlap into a single vector. The paper reveals the general spiritual atmosphere of the transitional epoch characterized by aspiration for justice and Beauty as an aesthetic category that promotes revival and liberation of a human being.

Key words and phrases: I. Annensky; turn of the centuries; Silver Age; poetical word; conceptions of death and immortality; Christian soteriology; eschatology.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 04.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.6>

Статья представляет собой анализ поэтики пьес А. Н. Островского, действие которых разворачивается в художественном пространстве двух вымышленных волжских городов – в Калинове и Бряхимове. Волжские пьесы А. Н. Островского рассмотрены не столь подробно, как московские. Тем не менее изучение пространства пьес, действие которых происходит в вымышленных городах на Волге, а именно: «Гроза» (1859), «Горячее сердце» (1869), «Лес» (1870), «Бесприданница» (1879), «Таланты и поклонники» (1881), «Красавец мужчина» (1882), – нам представляется принципиальным, поскольку творчество А. Н. Островского формирует ядро Волжского текста. Настоящее исследование углубляет и расширяет современную концепцию локального текста в ее частной презентации – Волжский текст.

Ключевые слова и фразы: А. Н. Островский; драматургия; пьеса; Калинов; Бряхимов; образ города; Волжский текст.

Красникова Олеся Николаевна

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
oln.krasnikova@gmail.com*

КАЛИНОВ И БРЯХИМОВ: ВОЛЖСКИЕ ГОРОДА, СОЗДАННЫЕ А. Н. ОСТРОВСКИМ

Современное литературоведение большое внимание уделяет концепции локального текста, что неразрывно связано с новым подходом к изучению пространства и его текстуализации. Драматургия А. Н. Островского

является важнейшим компонентом так называемого Волжского текста, поэтому исследование образа вымышленных волжских городов представляется весьма **актуальным**, оно позволит углубить научные изыскания, связанные с формированием Волжского текста. **Целью** настоящего исследования является изучение особенностей художественного пространства тех пьес драматурга, которые можно назвать «волжскими».

Задача настоящего исследования – описать образ вымышленных волжских городов – Калинова и Бряхинова, а также проанализировать причины появления и особенности функционирования в художественном мире Островского этих топов.

Драматургическое наследие А. Н. Островского велико. Не так мало и исследовательских работ, посвященных изучению и анализу его пьес. Неоднократно исследовался хронотоп пьес Островского, однако большее внимание литературоведы уделяют московским пьесам драматурга. **Научная новизна** исследования обусловлена тем, что хронотоп волжских пьес драматурга изучен в гораздо меньшей степени, что не позволяет в должной мере описать тот слой Волжского текста, который составляют пьесы А. Н. Островского.

В ходе исследования текстов А. Н. Островского было выяснено, что местом действия его пьес являются такие существующие города, как, например, Москва (часто встречаем ремарку «картины/сцены из московской жизни») или Нижний Новгород. Действие большинства его пьес происходит в неназванных городах: фигурируют в драматургическом наследии Островского ремарки «губернский город» или «уездный город». Но тем не менее некоторым городам, несмотря на всю их типичность, драматург дал имена собственные – Черемухин, Калинов и Бряхимов.

Уездный город Черемухин появляется единственный раз в ранней пьесе Островского «Не в свои сани не садись» (1853). Исследователи биографии Островского отмечали, что необыкновенно красивый запах цветущей черемухи драматургу очень нравился, а деревья черемухи были распространены в щельковском имении. Черемухин – от *черемуха* и Калинов – от *калина*, города, созданные художественным гением драматурга, становятся характерными символами России, поскольку и деревья являются поэтическими символами страны в русском фольклоре.

Трудно не согласиться с Г. В. Мосалевой, которая называет Черемухин и Калинов «чистыми поэтизмами» [4, с. 229]. Однако, как отмечают исследователи творчества драматурга, Островский не сразу нашел подходящее название Калинов, в черновых записях встречается название Малинов.

Е. Г. Холодов подчеркивает, что дело не в названии. Город – это не только *место* действия пьес, город – это *люди*, его населяющие, их мнение, их взгляды на воспитание, поведение в обществе и на жизнь вообще. «Общественное мнение городка становится одним из важных предлагаемых обстоятельств пьесы» [9, с. 368].

После появления Черемухина драматург продолжает работать над поиском названия для города, которое смогло бы отразить в своей семантике и его типичность, и поэтичность, и красоту природы, и в то же время его косный характер. Такое название было создано драматургом. И появилось оно впервые в 1859 году в опубликованной пьесе «Гроза», действие которой разворачивается в городе Калинове, расположенном на высоком берегу Волги.

Вымышленный Калинов стал основой хронотопа таких пьес, как «Гроза» (1859) и «Горячее сердце» (1869). Также нужно добавить, что действие пьесы «Лес» (1870) происходит в усадьбе, находящейся неподалеку от города Калинова.

На карте художественного пространства, созданной Островским, город Калинов появляется первым. «Искусственные уездные города у драматурга имеют общий “растительный код” именованья и представляют антитезу, где Черемухин – идиллическое, “счастливое” пространство, а Калинов – конфликтное, драматургическое место, по своим характеристикам соотносимое со “стороной Замоскворечье”. Название Калинов обычно связывают со славянским фольклором: песнями, сказками, былинами, в которых “горькая ягода калина” рифмуется с горькой судьбой девушки или женщины. Однако напрашивается и другая ассоциация – Калинов мост былин и волшебных сказок, место, где богатыри бьются со злой силой (татарами, врагами); застава, граница между христианским и нехристианским миром» [3, с. 84].

Название города свидетельствует о неразрывной взаимосвязи городского и природного начал в пространстве этой драмы. Любопытное замечание о семантике названия города приведено в исследовании А. Ф. Роголева [6]. Ученый указывает на то, что в *Калинове* соединены следующие контрасты – «вид необыкновенный! Красота!» и «жестokie нравы... в нашем городе». Такие же противоположные начала имеются и в семантике слова *калина*, поскольку белые цветы кустарника очень красивы, а красные ягоды, хоть и привлекательны на вид, обладают горьким вкусом.

Город Калинов – переходный топос. Этот город находится между реальным миром (типичный город на Волге) и ирреальным сказочным закрытым пространством. Этот город – граница между миром живых людей и мертвых душ, город – своеобразный фольклорный *Калинов* мост, соединяющий человеческий мир с миром потусторонним. Усиливает *пограничность* этого города и тот факт, что здесь протекает река – классический символ границы пространств. Калинов – *мертвый* город не только потому, что здесь трагически гибнет Катерина. В этом городе нет жизни, движения и прогресса, это город тишины, неволи и запретов.

Калинов, как и положено «пограничному» городу, расположен на высоком берегу Волги. Жизнь проходит за запорами и засовами, как говорят сами жители, да за глухими заборами. Для вдохновения и восхищения жителей создан городской бульвар над прекрасной волжской набережной, только вот там никто не гуляет... Город Калинов, как неоднократно отмечали исследователи «Грозы», расположен не только в горизонтальных, но и вертикальных координатах: бездна пропасти над Волгой и манящая даль простора постоянно фигурируют в тексте. Но при всём при этом город вполне конкретен, и читателю легко удастся нарисовать его облик.

Если бы нам удалось попасть в этот городок, рассуждает Е. Г. Холодов, мы бы сразу его узнали. На выезде из города расположена площадь. С левой стороны дом городничего, с правой – арестантская. Перед нами несет свои воды Волга, вблизи берега находится пристань, а за рекой – сельский вид. Мы бы смогли услышать возглас дворника Силана «Посматривай!» и услышать удары по доске. Недалеко находится и дом городского главы Курослепова. Далее мы можем увидеть скамейку перед воротами. Вполне возможно, что именно здесь Феклуша с Кабанихой разговаривали о неспешном течении жизни в Калинове, о его патриархальном рае и о вечно светлой Москве. Наверное, неподалеку располагается и тропинка в сад Кабановых, где должен быть и овраг, в котором встречались молодые влюбленные. Пройдя вперед, увидим старинную галерею, в которой пережидали грозу Катерина и сумасшедшая старуха. За галереей открывается вид на величественную Волгу, в стороне от которой находится общественный сад, а неподалеку, скорее всего, омут, в котором распрощалась с жизнью Катерина.

Выйдя из города и пройдя пять верст по лесной дороге, увидим на развилке крашенный столб, на котором «прибиты две доски с надписями; на правой: “В город Калинов”, на левой: “В усадьбу Пеньки, помещицы г-жи Гурмыжской”» [5, с. 268]. Около этой развилки произошла встреча Счастливецова с Несчастливцевым, так органично вошла в этот мир новая пьеса, действие которой происходит близ Калинова, – «Лес».

Конечно, сюжеты всех трех пьес составляют единое художественное пространство, но это пространство не дублируется, а дополняется. Так, например, в «Грозе» город представлен обывателями, а в «Горячем сердце» показаны и городские власти: городской глава Курослепов и городничий Градобоев.

Мы уже отмечали ранее, что этот город будто бы затерян в пространстве и времени. Мотив отчужденности и ограниченности для него крайне характерен. Горожане доверчиво слушают рассказы странниц о неведомых странах и даже не могут подумать, что это выдумки. Ярким образом становится и «Литва, которая с неба упала». Калинов прозябает в невежестве и отсталости, хотя в этом чувствуется и мотив сохранения старого уклада, как считает А. И. Журавлева. Но на мотив «сохранения старого» в это же время наслаивается мотив разрушения и забвения (вспоминаем узкую разрушающуюся галерею с остатками фрески).

Этот «отгороженный» и «потерянный» Калинов выглядит иначе в «Горячем сердце». А. И. Журавлева отмечает, что присутствие реки не чувствуется. Волга есть, она упоминается, но мотивы, связанные с ней и проявленные в «Грозе», здесь не реализуются. Не ощущается *полет* птицы и полет как у Катерины, нет мотивов *высоты* и *обрыва*. «Здесь важен мотив “дремучего леса” (потом, в третьем Калинове, в “Лесе”, он активизируется)» [1, с. 190]. Зачем же тогда Островскому использовать уже известное читателю место действия – Калинов, если он не соотносится с уже знакомым пространством? Почему не придумать новое название для города? Исследователи полагают, что Островский намеренно отсылает читателей и зрителей к уже привычному названию, чтобы показать возможность разных путей разрешения сходных конфликтов в одном и том же мире. «Этим именованием Островский сразу связывает хронотоп “Горячего сердца” с тем эпическим миром, который он начал творить в ранних пьесах... Имя города как бы указывало на единство и непрерывность исторической традиции, на то, что калиновский мир продолжает существовать и в пореформенной России» [Там же].

О «центральности» калиновского мира рассуждает В. А. Кошелев. Провинциальное сознание характеризуется тем, что ставит *свой мир* в центр мироздания. Поэтому появляется важность *своего* при отсутствии должного уважения к *чужому* и ощущение того, что *за* (или *вокруг*) нашим местом нет ничего (ранее мы говорили, что Калинов – закрытый город, в него и дороги будто бы не ведут).

Поэтому, несмотря на различия описываемых Островским *Калиновых* в разных пьесах, основной стереотип «уездного» сознания воплощен в обоих *Калиновых* одинаково. Образ жизни и модели управления городом в пьесах устроены сходным образом. Похожи и жители этих городов (по сути своей, одного и того же города): обыватели, олицетворяющие провинциальность местного миропорядка.

Главным пейзажным ориентиром, присутствующим в «Грозе», но при этом отсутствующим в «Горячем сердце», является Волга. Однако Волга – это не просто топоним, а полноценный персонаж пьесы. Включенность художественного образа Волга добавляет в сюжет пьесы все семантические поля концепта Волги, которые в плане своей реализации очень широки (к примеру, фольклорный образ Волга, мотивы, связанные с рекой, персоналии, имеющие отношение к реке, созданные образы в поэзии, публицистике и пр.).

Поэтический образ великой Волги создает тон поэтики «Грозы». «Волга даёт представление о “высоком” и созвучна драматургии образа Катерины – трагического образа, “вставленного” в рамку бытовой “мещанской драмы”. В “Горячем сердце” ничего похожего нет – и символ “Волги” для неё оказывается лишним. Но сам топоним “города Калинова” от отсутствия Волги не изменяется» [2].

Действие двух пьес разворачивается в одном и том же пространстве: топоним тот же, художественное время также схоже, даже герои типологически родственны. Однако, несмотря на некую схожесть, в одном художественном пространстве разворачиваются конфликты, предполагающие различное разрешение.

Калинов – город небольшой, уездный. Когда же перед драматургом встала задача показать нравы жителей крупного волжского города (спустя примерно десять лет), появился новый топоним – Бряхимов. В комментариях к пятому тому Полного собрания сочинений Островского мы можем прочесть заметку, что в настоящее время города Бряхимова не существует, но из летописей известно, что ранее он существовал в верховьях Волги.

Действие трех следующих пьес Островского происходит в городе Бряхимове: «Бесприданница» (1879), «Таланты и поклонники» (1881) и «Красавец мужчина» (1882).

В Бряхимов можно добраться из Калинова. Вот такая картина открывается перед читателем. Судоходная и полноводная Волга. На высоком берегу городской бульвар, а также площадка перед кофейной. Площадка огорожена чугунной решеткой. Лариса, смотря через эту решетку на крутой обрыв, говорила, что у нее кружится голова. На Волге находится пристань, к которой швартуются пароходы Паратова. Выйдя с пристани, можно

прогуляться по городской набережной. В центре города, скорее всего, находится площадь. Тут же и трактир с вывеской «Париж». Недалеко от площади располагается городской сад, где должна быть установлена сцена, на которой выступала Негина. Неподалеку от центральной площади расположена гостиница, комнаты в которой некоторое время занимал Паратов. Здесь же – дом Огудаловой, а также сад с клубом, где любит гулять городская молодёжь. В городе имеется и вокзал, на платформе которого Саша Негина прощается со своим прошлым и уезжает в поисках театральной славы и хорошей жизни.

Бряхимов – это достаточно большой волжский город, об этом свидетельствует ремарка в «Бесприданнице». В этом городе тон всему задает патриархальный уклад жизни, который не меняется уже много лет. «Бряхимов – типичный приволжский город, живущий по столичным образцам. Драматург был убежден в единстве культурного содержания русской жизни – именно поэтому у его бряхимовских, калиновских, московских персонажей одна и та же вера, одинаковые предрассудки, привычки, обычаи, речи и жесты» [8, с. 223].

Размышляя о широкой панорамности пьес Островского, отметим также, что они довольно «сценичны», в том плане, что действие их разворачивается на открытом пространстве перед большой аудиторией, как будто бы в театре.

Так, хотя действие «Бесприданницы» и происходит в Бряхимове, кольцевая композиция замкнута в открытом пространстве кофейни с площадкой, где все действия персонажей пьесы на виду. Эта «сценичность», как мы отмечали ранее, проявляется и в финальных явлениях драмы, когда погибает главная героиня. «Сценичность» и «открытость» делают все события достоянием широкой общественности. Поэтому, безусловно, в этом городе большое значение имеет *общественное мнение*, о котором мы говорили ранее. Примеры того, как общество влияет на поведение героев, встречаются в тексте пьесы неоднократно.

Бряхимов – однако, город не только «Бесприданницы»; здесь происходит действие и других пьес, поэтому пространство города, безусловно, расширяется. Хотя общая тема, как бы она ни была банальна, заключается лишь в нескольких связанных словах: деньги – общество – приличия.

Следующая пьеса, действие которой также происходит в Бряхимове, – «Таланты и поклонники». Главная героиня комедии – Александра Негина – актриса, поэтому мнение общества в данной пьесе – это не только мнение обывателей, но и оценка публики.

«Красавец мужчина» также начинается сценой в публичном месте – в саду городского клуба. Здесь все друг друга знают, здесь создается мнение общества. Город Бряхимов, как отмечает Е. Г. Холодов, «является истинным местом действия пьесы. История Окоёмова и Зои развивается на глазах “всего города” – по крайней мере для действующих лиц комедии это поистине “весь город”» [9, с. 370].

Все три пьесы представляют для нас один художественный топос – губернский город, который, несмотря на то, что похож на другие губернские города, имеет свои отличительные особенности: «...это город пореформенный, город всевластия денег, отражающий российскую действительность периода “общественного мещанства”» [8, с. 225].

Пьесы Островского, действительно, изображают не только отдельные лица и их конфликты, но описывают проблемы, характерные для широкой общественности. Современники Островского считали его пьесы *эпическими*. Эпический характер пьесам придает фон, на котором разворачиваются события, то есть изображенное художественное пространство: картина города и пейзаж.

Конечно, главным городским топосом Островского является Москва, но драматург также считается первооткрывателем волжского провинциального художественного мира. Очень часто Волга является главной доминантой пейзажа пьес Островского. Волжский мир у Островского – это, прежде всего, мир провинциальный, который хорошо был знаком драматургу с детства. Островский живо интересовался волжскими обычаями и традициями, его интересовали язык и нравы, костюмы и поговорки, особенности характеров и местный фольклор. Он хорошо изучает «волжское настроение» и «волжский дух», поэтому очень точно изображает их в своих волжских произведениях.

В «волжском» художественном мире Островского имеются и реальные города (чаще они лишь упоминаются в текстах пьес, и однажды Нижний Новгород становится местом действия пьесы «Козьма Захарьич Минин, Сухорук»), и вымышленные. Несуществующие Бряхимов и Калинов кажутся читателю реальными за счет того, что расположены на Волге, хорошо известной любому русскому человеку. «Неслучайно за право считаться прототипами “сборных городов” боролись губернские (Ярославль, Кострома, Нижний Новгород) и уездные (Кинешма, Юрьевец, Рыбинск) города. Бряхимов и Калинов получили узнаваемые черты верхневолжских городов: высокий берег с видом на заволжскую сторону, бульвар-набережную с беседкой, общественный сад над Волгой» [3, с. 83]. «Волжское», как отмечает исследователь, становится у Островского синонимом «русского».

Ранее мы неоднократно отмечали, что река часто несет в себе функцию границы. В тексте Островского описываемые реки также обладают указанной функцией. И Москва-река, и Волга часто разделяют описываемое художественное пространство, организуя его определённым образом. Река становится границей мира «здесь» и «там» (появляются Заречье, Заволжье). Города, стоящие на Волге, противопоставлены миру, расположенному за рекой. Текущая, бурлящая, деятельная река, судорожество и промыслы составляют движение жизни. Это «живой» мир, отличающийся от замкнутого пространства описанных городов. «Стремление вырваться за реку, за пределы города, в вольный мир характеризует героинь волжских пьес: для одних это заканчивается гибелью (Катерина Кабанова, Лариса Огудалова), для других становится началом новой, свободной жизни (Параша из «Горячего сердца»)» [Там же, с. 84]. Поэтому и Калинов, и Бряхимов – это волжские города, по своей сути обобщенные. Вымышленные города не существуют в реальном мире, но в этих городах существуют *настоящие* условия жизни и порядки типичных русских городов. «Положив в основу драмы “Гроза” волжский социально-

бытовой уклад, Островский создал незабываемые картины из жизни своего народа. Нравы, обычаи волжан определили важнейшие сюжетные повороты пьесы» [7, с. 53], – отмечает В. Ф. Соколова, и это замечание исследователя применимо и к другим волжским пьесам драматурга.

Подводя итоги нашим размышлениям о созданных Островским городах, заметим, что для понимания специфики анализируемых пьес важно осознавать, что их действие происходит не просто в *городе* (Калинове или Бряхимове), но на *Волге*.

Волга не только создает культурно-исторический фон исследуемых пьес, но и добавляет им типично русское звучание, являясь главным русским водным топонимом. При всей оригинальности и самобытности образ каждого из городов разрастается до символа, который объединяет в себе типические черты городов провинциальной России.

Анализируемые пьесы, таким образом, являются важным компонентом Волжского текста, ядро которого сформировано в том числе драматургическим наследием А. Н. Островского.

Список источников

1. Журавлева А. И. Кое-что из былого и дум: о русской литературе XIX века. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. 272 с.
2. Кошелев В. А. В городе Калинове [Электронный ресурс]. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200302806> (дата обращения: 04.07.2019).
3. Купцова О. Н. Художественная картография А. Н. Островского: город // Уральский исторический вестник. 2018. № 2 (59). С. 78-86.
4. Мосалева Г. В. «Непрочитанный» А. Н. Островский: поэт иконной России: монография. Ижевск: Удмуртский университет, 2014. 296 с.
5. Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. / под общ. ред. Г. И. Владыкина и др. М.: Искусство, 1974. Т. 3. Пьесы (1868-1871). 560 с.
6. Роголев А. Ф. Имя и образ в драме А. Н. Островского «Гроза» (ономастическое прочтение) // Филологические науки. 2010. № 4. С. 15-26.
7. Соколова В. Ф. Народоведческие истоки творчества А. Н. Островского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). Ч. 3. С. 51-54.
8. Сулова В. В. Город Бряхимов как один из центров «литературной губернии» А. Н. Островского (на материале комедии «Красавец мужчина») // Актуальные проблемы филологии. 2017. № 15. С. 222-228.
9. Холодов Е. Г. Мастерство Островского. М.: Искусство, 1967. 544 с.

KALINOV AND BRYAKHIMOV: VOLGA TOWNS CREATED BY A. N. OSTROVSKY

Krasnikova Olesya Nikolaevna
Pushkin Leningrad State University
oln.krasnikova@gmail.com

The article analyses the poetics of A. N. Ostrovsky's plays, which unfold in the artistic space of two imaginary Volga towns – Kalinov and Bryakhimov. A. N. Ostrovsky's "Volga" plays have attracted relatively little scientific attention in comparison with "Moscow" ones. However, the study of the artistic space of "Volga" plays, such as "The Storm" (1859), "The Ardent Heart" (1869), "The Forest" (1870), "Without a Dowry" (1879), "Talents and Admirers" (1881), "The Handsome Man" (1882), is essential taking into account that A. N. Ostrovsky's creative work forms the core of the Volga text. The study deepens and broadens the modern conception of a local text in its particular aspect – the Volga text.

Key words and phrases: A. N. Ostrovsky; dramaturgy; play; Kalinov; Bryakhimov; town image; Volga text.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 17.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.7>

Природа абсурдистики определяется деструктивным мотивным комплексом, весьма специфичным для современной литературы. Он зрим в творчестве Д. А. Горчева: специфика экспликации его сегмента – мотива потери рассудка – подробно исследуется в данной статье на примере двух рассказов («Пистолет», «Красавец»). Особенности указанного мотива разнопланово коррелируют с абсурдистскими нарративными приемами. Доказывается, что внешняя деструктивность мотива потери рассудка имеет глубинный внутренний созидательный компонент, представляющийся важнейшим и главенствующим в эстетике писателя.

Ключевые слова и фразы: Д. А. Горчев; мотив потери рассудка; «Пистолет»; «Красавец»; абсурд.

Меркушов Станислав Фёдорович, к. филол. н.
Тверской государственный университет
stas2305@gmail.com

МОТИВ ПОТЕРИ РАССУДКА КАК БАЗОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ АБСУРДИСТИКИ Д. А. ГОРЧЕВА

Мотив потери рассудка если не постоянен, то, по крайней мере, частотен в русской литературе. Исследователи сходятся во мнении, что он всегда присутствует там, где нарушаются какие-либо связи, начиная с бытовых